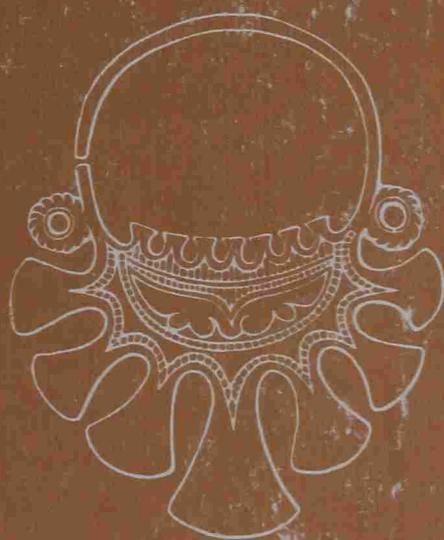

ISSN 0038-5034

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

3

Н. Г. ГОРБУНОВА
**О ПОДБОЙНО-КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ РАННИХ
КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

(конец I тысячелетия
до н. э.— первая половина I тысячелетия н. э.)

Вопрос о том, как и когда появились в Средней Азии погребения ранних кочевников в катакомбах и подбоях и кто погребен в них, является предметом дискуссии уже не один десяток лет, с тех пор как А. Н. Бернштамом было начато исследование катакомбных погребений Кенкольского могильника в Таласской долине в Северной Киргизии [1]. Истории их изучения касались различные исследователи. Есть и сводные работы [2; 3; 4, с. 57—72], из них наиболее полная сводка только что вышла в серии «Археологии СССР» [5]. Поэтому в данной статье нет смысла останавливаться на этом. Часть исследователей относила погребенных в подбоях и катакомбах к местным скотоводческим племенам [4, с. 68—72; 6; 7; 8, с. 170—175], другие полагали, что их оставили различные пришлые племена: гунны [1], усуни [9, 10], юечжи [11, с. 137, 138], сарматы [12, с. 43, 44], особая группа юечжей, относившаяся к сарматскому кругу [13, с. 73; 14, с. 139—141]. Однако, прежде чем решать вопрос об их этносе, необходимо проанализировать черты сходства и различия в культуре погребенных в подбоях и катакомбах Средней Азии. Именно эти типы погребений породили разные гипотезы, хотя почти всюду они сосуществуют с погребениями в грунтовых могилах, являющихся основными в предшествующее время. Погребения в подбоях и катакомбах известны сейчас почти во всех областях Средней Азии: на Устюрте (единичные) [15, с. 190], в Хорезме [16, с. 134—146; 17, с. 111—134], Южной Туркмении (Северной Парфии) [18, 19], Согде [12; 20—22; 23, с. 595; 24, с. 122—156], Бактрии [8, с. 104—135; 25; 26; 27, с. 131—139], на Средней Сырдарье (каунчинская культура [28, с. 163—178; 29, с. 174—240; 30]), в Фергане [4; 31—34], Таласе и Кетмень-Тюбе (кенкольская культура) [35], на Тянь-Шане [36, с. 60—72; 37, с. 112—138], на Алае [36, с. 200—204], Семиречье [9, с. 139—281; 38, с. 136—146]. Датировка их различная — от IV в. до н. э. (Устюрт, Семиречье) до V в. и позднее (в кенкольской культуре и Фергане).

Обоснованием датировок служит керамика (в зависимости от степени разработки ее хронологии в том или ином районе), оружие, зеркала, пряжки (по сравнению с сарматскими), некоторые типы украшений, монеты (последние в Бактрии и Согде, отчасти в Фергане). Неоднократно даты обосновывались по аналогии с ранее раскопанными в Средней Азии памятниками и круг замыкался. Имеются и различия в датировке одних и тех же памятников (например, бактрийских [8, с. 129—134]), но период I—III вв. во всех случаях фигурирует. Для Согды выделены две хронологические группы: II в. до н. э.— I в. н. э. и II—IV вв. н. э. [12, с. 13—17], более ранние и более поздние могут быть выделены и в других районах. В основном в данной статье принимаются датировки, предложенные авторами раскопок, так как пересмотр их почти невозможен из-за недостаточности публикаций.

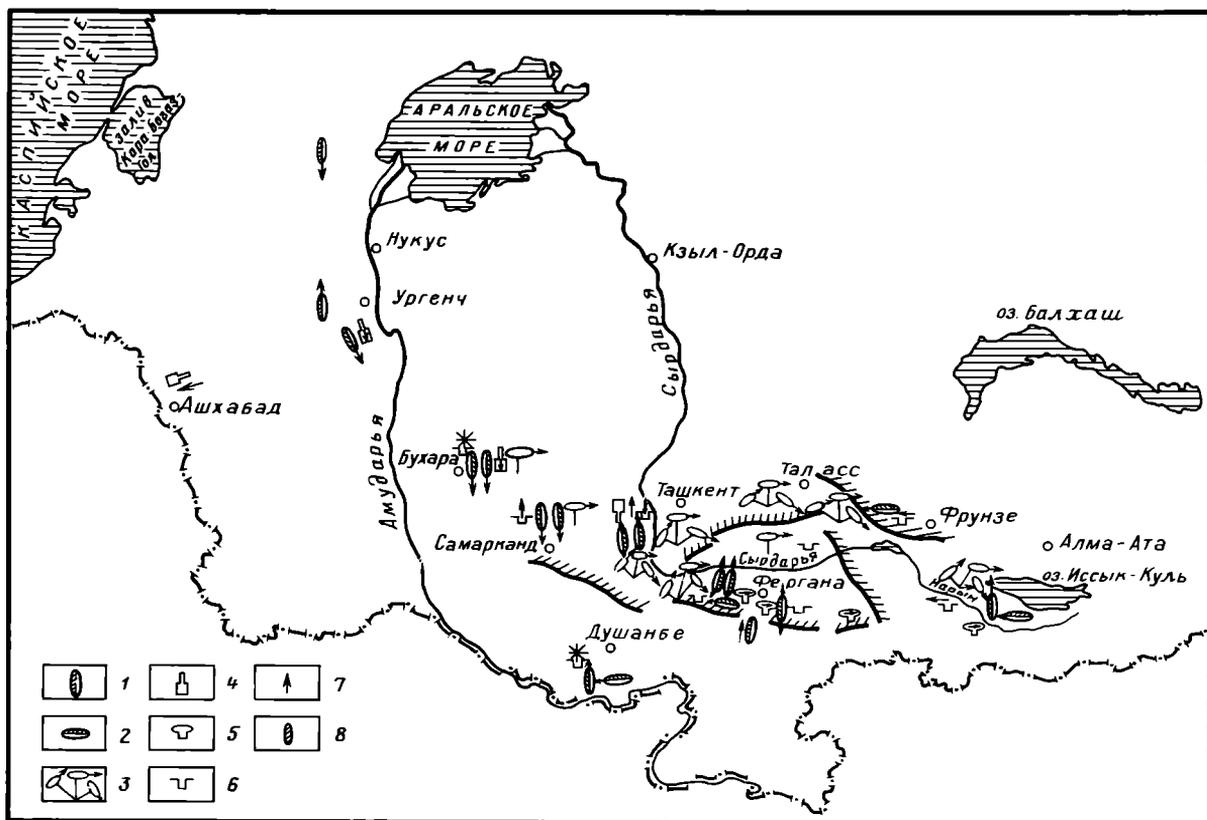

Рис. 1. Погребальные сооружения: 1 — подбой I типа; 2 — подбой II типа; 3 — катакомба I типа; 4 — катакомба II типа; 5 — катакомба III типа; 6 — грунтовая могила; 7 — ориентация погребенных; 8 — погребальная камера

Типы погребальных сооружений уже были выделены ранее [39, с. 159—167; 40, с. 85—97]. Рассмотрим их территориальное и хронологическое распределение (рис. 1). Подбои: I тип — в западной или восточной продольной стенке могилы; II тип — в южной или северной стенке могилы. I тип — наиболее ранний, единичный, известен на юго-востоке Устюрта (IV в. до н. э.). Концом I тыс. до н. э. — первыми веками нашей эры датируются они в Согде, Бактрии и Хорезме, несколько позднее, с первых веков нашей эры до IV—V вв., — в каунчинской культуре, Фергана, Тянь-Шане, Алае (в кенкольской не зафиксированы). То есть их ареал довольно широк, но более ранние появляются поблизости от Амударьи. Второй тип характерен в основном для Семиречья (с IV в. до н. э.), но в более позднее время (в первых веках нашей эры) есть в Фергана, каунчинской культуре, на Тянь-Шане, в Бактрии. Более характерны они определено для северо-востока Средней Азии. Выделено три типа катакомб. I — камера расположена перпендикулярно к узкому концу длинного ступенчатого дромоса, вытянута в направлении запад — восток (кенкольский тип), но известна ориентировка камеры и север — юг (Фергана). Этот тип катакомб характерен для северо-востока Средней Азии (кенкольская и каунчинская культуры, Тянь-Шань, Фергана), но зафиксирован и в Согде. В последнем сейчас предложены даты II в. до н. э. — I в. н. э. [22, 24], не исключено, что есть более ранние и в кенкольской культуре. II тип — камера является продолжением узкой части дромоса, вытянута в направлении север — юг. Наиболее ранние из них известны в Согде (5); к первым векам нашей эры в Хорезме относятся 29 катакомб (часть к I в. до н. э.), в Парфии — 13. В каунчинской культуре их всего 6. III тип — катакомбы подобны кенкольским, тоже перпендикулярны к дромосу, но дромосы короткие, вход большей частью открытый (первые века нашей эры, Фергана, Тянь-Шань).

Таким образом, для восточной части Средней Азии оказываются более характерными катакомбы I и III типов и подбоя обоих типов; для западной — катакомбы II типа и подбоя I типа. В Бактрии катакомбы не зафиксированы. Почти во всех районах вместе с подбоями и катакомбами в могильниках имелись грунтовые могилы, большей частью (но не всегда!) составлявшие незначительный процент от общего числа могил (рис. 1).

Основная поза погребенных в могилах разных типов — на спине, с вытянутыми руками и ногами. Однако ноги могут быть раздвинуты или скрещены, руки (одна или обе) или под тазом, или на лобке. Ориентировка умерших различна, в первую очередь определяется расположением камер. Для подбоев I типа — южная или северная, для II — западная. Хронологическая последовательность смены южной ориентировки северной отмечена только для Согды и Хорезма [12, 41], хотя примеров и не очень много. Южная ориентировка для катакомб II типа и подбоев I типа отмечена в Хорезме и Фергане [7], в то время как в каунчинской культуре и сооружениях этих типов ориентировка северная. В Бактрии в подбоях I типа — северная, II — западная. В катакомбах кенкольского типа — восточная, но в Фергане и Кетмень-тюбе встречается западная, а в Фергане отмечена еще и южная [40, с. 90]. Погребения большей частью одиночные, хотя есть и коллективные — одновременные и последовательные. Погребенных укладывали как прямо на землю, так и на камышовые подстилки, на доски, в колоды и дощатые гробы. Погребения в колодах и гробах явно преобладают в районах Таласа, Кетмень-тюбе, Ферганы, в остальных районах они единичны. Можно, конечно, предположить, что это связано с их сохранностью в различных природных условиях (степные или горные районы).

Для всех рассматриваемых погребений характерно помещение в могилу части туши барана. Но различны части туши и ее место в могиле. В Хорезме, Согде, каунчинской культуре и Бактрии помещали передние ноги с лопаткой, иногда ребра в районе головы погребенных (иногда у руки — в Хорезме), но в первых трех с ними обычно помещали нож, тогда как в Бактрии нож, видимо, привешивали к поясу. В Фергане в могилы помещалась та же часть туши, но на деревянных блюдах, столиках, в корзинках вместе с ножом, в ногах или головах погребенных. Иная часть туши — череп, таз, крестец, а иногда и целая туша помещались на деревянном столике, нередко с ножом, в головах погребенных почти во всех могилах Тянь-Шаня, реже Таласа, Семиречья. В катакомбах Южной Туркмении отмечена посыпка дна могилы мелом или известью, в Согде в могилах встречались куски гипса или мела.

Ассортимент погребального инвентаря мужских и женских погребений в основном повторяется в разных районах. Но есть некоторые отличия как в самом наборе, так и в типах категорий вещей и их месте в могилах (последнее не всегда может быть учтено из-за разграбленности могил). Количество сосудов обычно колеблется от 1 до 2—3 (редко больше). В Бактрии и Семиречье они стоят всегда в головах погребенного; в Согде, Хорезме и на Тянь-Шане — большей частью в головах, изредка в ногах; в каунчинской и кенкольской культурах, в Фергане — в головах, ногах, сбоку. Наиболее типичны всюду кувшины с ручкой или без нее, хотя типы их и сочетания с другими сосудами различны. В Бактрии это кувшин и бокал, реже горшки, миски, двуручные сосуды, фляги. Вся керамика круговая. В Согде — большей частью кувшин с ручкой и бокал для ранней группы, кувшины, горшки, фляги для более поздней. Вся посуда гончарная, лепные только курильницы. В Хорезме — кувшины без ручек, горшки, фляги как лепные, так и гончарные, лепные курильницы. В каунчинской культуре лепные кувшины с ручками, кружки, горшки, миски, фляги, курильницы. В кенкольской — лепные кувшины, высокие кружки, горшки, фляги, курильницы; миниатюрные сосуды и чаши встречаются редко. В Фергане — кувшины многочисленных типов: круговые и лепные, большей частью без ручек; горшки с орнаментом и без него; миски, миниатюрные сосудики, фляги двух типов. Миски здесь часто ставили на кувшин или кувшин

закрывали камнем. В Семиречье — лепные кувшины, чаши, кружки, котелки. Особо следует отметить, что курильницы, явно связанные с культом огня, отмечены не всюду и различны по типам. В Хорезме они цилиндрические, реже прямоугольные [16, 17]. В каунчинской культуре кроме таких же есть в виде усеченного конуса, горшочки с выступами-лопастями, бокалообразные с налестками и многочисленными отверстиями [29, с. 216], последние есть и в кенкольской культуре [42, рис. 13]. В Согде найдены прямоугольные и бокаловидные курильницы, а также подобная каунчинской (горшочек с выступами). Неоднократно находили донца хумов с угольками, которые ставили, видимо, вместо курильниц [12, 20, 21]. В Фергане, Семиречье, на Тянь-Шане и Алае, в Бактрии их нет. Деревянная посуда, столики, туалетные принадлежности и корзины в основном зафиксированы в тех же могильниках, где погребенные лежали в гробах и колодах, т. е. в северо-восточных районах. В то же время алебастровые сосудики найдены только в погребениях Хорезма и Парфии.

Вторая категория инвентаря — оружие. В положении его в могилах есть некоторые различия. Так, кинжалы в Бактрии, Парфии, Согде и каунчинских памятниках помещали справа у руки или бедра, в последних и поперек живота. В Фергане и на Тянь-Шане кинжал лежал слева у бедра или груди, но в Фергане и поперек живота (последнее, возможно, хронологический признак). Меч лежал только слева в Бактрии и Парфии. В Согде, если меч без кинжала — то слева, если с кинжалом — справа. Справа и слева лежали мечи в каунчинских памятниках и Фергане. Наконечники стрел обычно находились в разных местах, но большей частью около ног. Количество их незначительно — от одного до семи-восьми, не более. Лук помещали слева на Тянь-Шане, справа или на крышке гробов в Фергане. В Согде в ранней группе были найдены накладки на лук только в одном случае. Сейчас их известно больше [23], в Бактрии и Парфии накладок на лук не обнаружено совсем. В Хорезме и каунчинских памятниках они многочисленны, но место их в погребении не установлено. В Семиречье найдены только обломки двух кинжалов неясной формы.

Различны и типы оружия. Так, кинжалы с прямыми перекрестьями и навершиями разной формы (серповидное, плоское круглое, волютообразное, сердцевидное) известны в основном в Бактрии (35 экз.) и Согде (5 экз., по публикации О. В. Обельченко [43]). Кроме того, кинжалы с серповидным навершием известны в каунчинском памятнике [29, табл. XXXIV, 3] и в Хорезме [16, табл. III, 10]. Кинжалы с прямым перекрестьем найдены в Фергане [7, рис. 13]. Мечи с прямым перекрестьем и серповидным или плоским круглым навершием есть в Согде [43], Бактрии, Хорезме, каунчинских памятниках. В последних известны также мечи с навершием из камня [44, с. 155] и с инкрустацией из золота [30]. Кинжалы и мечи без перекрестья и навершия известны повсеместно. Из числа железных наконечников стрел для Бактрии и Согды ведущими являются трехперые с опущенными жальцами, реже трехперые с прямым основанием пера. Последние — единственный тип наконечников в хорезмийских могильниках. В каунчинских памятниках наряду с такими же, как в Бактрии и Хорезме, изредка встречаются трехгранные. Наибольшее количество типов стрел известно в Фергане и кенкольской культуре [45, 46]: трехперые с прямым или скошенным основанием пера, лавролистные с упором, ромбические, пулевидные, трехгранные, четырехгранные. Трехперых с опущенными жальцами в Фергане немного, в кенкольских памятниках их нет, зато есть стрелы со свистунками. Костяные наконечники стрел известны в кенкольских памятниках и по одному в каунчинском и в Семиречье.

К числу предметов быта и туалета относятся ножи, пряслица, шилья, зеркала, косметические приборы и пр. Ножи известны повсеместно, но в могилах их помещали в разных местах. В Бактрии — около пояса; в Хорезме, Согде, Каунчи, Фергане, на Тянь-Шане небольшие ножички лежали рядом с костями барана. В то же время в Фергане найдены очень крупные ножи, лежавшие

иногда по два-три в могиле, но тоже в разных ее местах. Ножи в Фергане имели деревянные или костяные рукоятки, причем костяные либо из двух фигурных пластин, скрепленных штифтами [7], либо в виде трубочек с орнаментом [33, с. 27, табл. 5]. Последние за пределами Ферганы в Средней Азии известны только как отдельные находки. Особо следует выделить известные в Средней Азии только в Фергане железные ножи с бронзовой составной рукояткой с плоским навершием [33, табл. 4] из женских погребений. Оселки встречаются редко. Пряслица в разных районах — различного типа. Наиболее типичны глиняные дисковидные в Хорезме, цилиндрические и конические в каунчинских памятниках, цилиндрические на Тянь-Шане, каменные полусферические и усеченно-конические в Хорезме, цилиндрические в каунчинских и кенкольских памятниках и на Тянь-Шане, дисковидные в Семиречье. Наиболее близки пряслица каунчинские и кенкольские. Наибольшее количество пряслиц, в основном глиняных биконических, покрытых красным ангобом с кольцевыми врезными линиями на широкой части конуса, найдено в Фергане [33, табл. 8]. Из Бактрии, Согды и Парфии пряслица не известны.

Бронзовые зеркала найдены во всех районах в женских погребениях, целые и в обломках, но типы их различны. Зеркала «сарматского типа», дисковидные с ручкой и без ручки, с валиком, конической выпуклостью, т. е. более характерные для среднесарматского периода, известны в Бактрии, Согде, Хорезме, каунчинских памятниках, частично в Семиречье. Но для Семиречья известны и свои зеркала, с нижней петельчатой ручкой [9, табл. XI, 33]. В то же время в каунчинских памятниках и Фергане есть «сарматские» зеркала, за исключением зеркал с коническим выступом в центре (в Каунчи одно), выделенных Б. А. Литвинским в «бактрийский» тип [33, с. 84, 85]; но есть и зеркала «позднесарматского» типа — дисковидные с ручкой-петелькой, с рельефным орнаментом и плоские дисковидные (здесь в отличие от сарматских последние более поздние [33]). Особенностью Ферганы, а вслед за ней и каунчинской и кенкольской культур является наличие китайских зеркал [33, с. 98—104; 34, с. 95—97]. Косметический набор — сурьматаш и кусочек графита — известны в основном в Фергане и в ближайших к ней районах [47]. Известны также находки целого ряда предметов: шкатулки из костяных пластин (Фергана, Хорезм), деревянные гребни (Фергана), костяные гребни с головками лошадей (каунчинский памятник), пинцеты, ножницы (каунчинские памятники и Бактрия), острога (каунчинский памятник), лука седла и рукоять нагайки, украшения узды (кенкольская культура), удила (каунчинская и кенкольская культуры), прибор для добывания огня (Фергана [7, с. 60, 61]). Предметы одежды сохраняются обычно плохо. Найдены обрывки одежды, отпечатки ткани на железных перстнях, пряжках, костях. Анализ тканей из ферганских могильников показал, что они в основном хлопчатобумажные [33, с. 55], хотя в некоторых случаях есть и другие, в том числе и китайский шелк [7]. Лучше сохраняются дополнительные элементы одежды, такие, как пряжки поясов или обуви (у мужчин) и украшения (большей частью у женщин). Многочисленны пряжки: железные, бронзовые, латунные, костяные. Наибольшее их разнообразие наблюдается в бактрийских комплексах [25, 25] поясные железные и латунные кольцевидные и петлевидные, железные прямоугольные и трапециевидные, пластинчатые с прорезью и крючком-выступом, с петлями на обороте, фигурные, в том числе с протомами животных: бронзовые: кольцевидные, прямоугольно-рамчатые с изображением верблюда, роговая пластинчатая, золотая с изображением головы кабарги. Обувные кольцевидные латунные с язычком и без него, петлевидные. Одна узкая пластинчатая фигурная с зигзагообразными прорезями. Близки к ним согдийские [12, 20, 21, 24] — железные кольцевидные с подвижным язычком (есть и с фигурной рамкой), пластинчатые железные и костяные, в том числе с гравированными изображениями. Но обувных пряжек здесь не найдено. Железные округло-рамчатые пряжки с язычком найдены повсеместно. В Хорезме кроме них еще есть овально-рамчатые и в более поздних погребениях щитко-

во-рамчатые. В Фергане, каунчинской и кенкольской культурах, на Тянь-Шане — овыельные и округло-рамчатые пряжки со щитком и без него, с прогнутым язычком, иногда выходящим за пределы рамки. В каунчинской культуре есть также прямоугольно-рамчатая с вогнутыми длинными сторонами, фигурная, с иглой-хоботком, костяная пластинчатая с рисунком [29]. Прямоугольно-рамчатые железные и бронзовые пряжки известны на Тянь-Шане. Бронзовые щитково-рамчатые с инкрустацией и зернью в кенкольских памятниках. Все эти пряжки поясные, но в каунчинском памятнике и на Тянь-Шане зафиксированы и обувные [29, с. 227; 37, с. 126]. В Семиречье найдена только одна пряжка-обойма [9, табл. II, 12].

Выделим специально женские украшения: головные налобные повязки и серьги. Первые неоднократно находили в погребениях ферганских могильников — это полосы ткани с нашивными бронзовыми бляшками различной формы [34, с. 184]. Части диадемы найдены в Бактрии [25, табл. X, 1; 26, табл. XLII, 2—4]. В кенкольском памятнике Шамси найдено сложное головное украшение [48, рис. 140]. Больше ни в одном районе головных украшений не найдено. Изредка встречаются бронзовые и железные шпильки. Особенно характерны железные шпильки с утолщенной головкой в Семиречье [9, табл. I, 4] (такие шпильки типичны для Ферганы V—III вв. до н. э. [49, рис. 3, 1—5]). Серьги: наиболее простые из них в виде бронзовых или латунных колечек находятся почти повсеместно, но типы их несколько различны. В Хорезме — только колечки в полтора оборота в более ранних могильниках, в более поздних — простые колечки и колечки с навитой проволокой и подвеской. В Бактрии колечки из латуни, серебра, золота имеют иногда закрученные концы в виде витков, иногда на них надета бусина. Наиболее типичны для Бактрии, в могильниках Бешкентской долины, серьги в виде кольца с амфоровидной подвеской, ручки которых — стилизованные фигурки дельфинов [8, с. 129]. По одному экземпляру — серьги в виде птицы с распростертыми крыльями, с инкрустацией [25, табл. LIX, 6] и бусина в золотой плетенке [50, с. 130]. В Вахшской долине в могильнике Ксиров найдены серьги — летящий петушок с полулунными подвесками [27; рис. 2]. Из Согда известна только одна серьга в виде сердоликовой бусины, надетой на золотой стержень, прикрытый колпачком с рифленой поверхностью [21, рис. 15]. Немногочисленны серьги и в каунчинских памятниках: колечки из проволоки с подвеской-жемчужиной [29, рис. XXXIV, 14], в виде диска с подвесками [51, с. 55]. Спиралевидные колечки с несомкнутыми концами с подвесками или петельками известны в Семиречье [9, табл. XI]. В Фергане, как и в Бактрии, большое разнообразие серег: кольцевидные, кольцевидные с припаянными шариками, с закрученными спиралью концами, наиболее типичные для Ферганы — известные только здесь — бобовидные с дужкой, калачиковидная серьга с инкрустацией и зернью [32, с. 30—36; 34, с. 184]. В кенкольской культуре и на Тянь-Шане — калачиковидные серьги с инкрустацией и зернью [42, рис. 7, 5].

Нагрудные украшения представлены ожерельями из разных бус, большей частью стеклянных одноцветных, реже полихромных, мозаичных, много бисера, бус с внутренней позолотой. Среди каменных — сердоликовые шаровидные и 14-гранные, пиритовые, янтарные, хрустальные, из местных пород камня. Бусы из раковин каури довольно редки. В Фергане в ожерелья включали бронзовые бубенчики, китайские монеты «у-шу», известны центральные подвески в виде железных фигурок пластин или очень крупных бусин [34, с. 185]. Центральные подвески, возможно, были характерны и для других районов. Оригинальное ожерелье из костей черепахи и пяточных костей грызунов известно в каунчинском памятнике [29, с. 259]. Застежки-фибулы типа Авцисса известны по одной в каунчинской культуре [44, рис. 4, 11] и Западной Фергане. Иной формы фибулы, двухчастные с инкрустацией, найдены в Бактрии [26, табл. XLII, 1]; гантелевидные застежки в каунчинской, кенкольской культурах и Фергане. Украшениями являлись также различные подвески из бронзы в виде

человеческих фигурок, сжатой в кулак руки или ног, найденные в Фергане; медальоны с инкрустацией и зернью — в Фергане, каунчинской и кенкольской культурах; колокольчики в Бактрии и каунчинской культуре. Украшения из костей орла и медвежьих клыков — в кенкольской и каунчинской культурах и на Тянь-Шане [37, с. 16; 42, с. 69].

Наручные украшения: браслеты, кольца, перстни. Браслеты из бусин на запястьях рук отмечены повсеместно. Менее известны металлические браслеты, и своеобразие их пока определить трудно. Наибольшее разнообразие их типов известно в Фергане и Бактрии: бронзовые браслеты с утолщенными концами, с замком из проволоки, с замком в виде гераклова узла (только Фергана), с окончанием в виде стилизованных изображений змей. В этих же двух районах известны и железные браслеты. В других районах железные браслеты пока не известны. Кольца и перстни также найдены во всех районах. Большею частью это кольца железные или бронзовые пластинчатые, а перстни бронзовые, латунные, железные, с расширенной дужкой. И опять-таки наибольшее разнообразие их известно в Фергане и Бактрии, где есть перстни нескольких разных типов, с гравированными изображениями на щитках. И если изображение на бактрийских перстнях связано с эллинистической тематикой, то ферганские перстни имеют прямые аналогии в Восточном Туркестане. Особую группу составляют перстни с инкрустацией и зернью. Наиболее характерны они для кенкольской культуры, но известны в Фергане и на Алае.

Помимо всех перечисленных категорий находок имеются и специфические, характерные только для одного какого-то района или культуры. Это матерчатые наглазники и шелковые ткани китайского производства (кенкольская культура и Фергана), золотые лицевые маски в кенкольской культуре и на Алае. Глиняные и алебастровые фигурки из Ферганы, где они известны и на поселениях. Подобные фигурки известны и в других районах, но там они происходят только с поселений (см. сводку [52, с. 90—97]). В ферганских, кенкольских и алайских могильниках найдены также и стеклянные сосуды.

Анализ погребальных сооружений и инвентаря выявляет определенные различия в культуре скотоводов разных районов Средней Азии в рассматриваемый период. Часть этих различий имеет хронологический характер, о чем свидетельствуют типы оружия, пряжек, некоторых украшений.

Можно предполагать, что абсолютная хронология сарматского оружия не обязательно должна соответствовать абсолютной хронологии среднеазиатского, но схема его развития явно повторяется, что позволяет выделить часть погребений Бактрии и Согда как ранний пласт в рассматриваемых памятниках. Отмеченное Б. А. Литвинским и А. В. Седовым отсутствие кинжалов с кольцевидным навершием в Бактрии, действительно, скорее всего характерно именно для Бактрии, так как такие кинжалы известны в Согде и Хорезме и в двух грунтовых могилах на Узбое [53, рис. 38, 2, 6]. В последних они находились вместе с мечами с прямым перекрестьем без навершия, т. е. в том же сочетании, что и кинжалы с сердцевидным навершием в Бактрии [8, табл. XIII, 28, XXXIX—X]. Это подтверждает высказанную Б. А. Литвинским и А. В. Седовым идею о своеобразии развития именно бактрийских типов оружия [8, с. 132, 133]. Бронзовые (латунные) кольцевидные пряжки с выступами-пуговицами имеют близкое сходство с раннесарматскими пряжками [54, рис. 3, 1], но в отличие от них не имеют крючка. Петлевидные пряжки отдаленно напоминают рамчатые пряжки из Южного Приуралья [55, табл. 8, 15, 16], где есть, как и в Бактрии, железные, тоже имеющие неподвижный крючок. Так что можно говорить лишь о сходном типе, где главное — отсутствие подвижного язычка. Назначение подобных пряжек тоже разное: раннесарматские — поясные; южноуральские в основном тоже поясные, хотя использовались, как и в Бактрии, для обуви [55, с. 44]. Пластинчатые также ближе всего к раннесарматской группе [54, рис. 2]. Определенное сходство с раннесарматскими имеют и пряжки с изображением верблюда [54, рис. 2, 6].

Не исключено, что отсутствие в бактрийских могильниках накладок на лук и единичная такая находка в ранней группе Согда свидетельствуют также в пользу принадлежности их к раннему хронологическому пласту, учитывая, что такие накладки появляются только в конце среднесарматской культуры. Видимо, некоторые погребения и в других районах могут быть отнесены к раннему пласту, например погребения в грунтовых могилах и катакомбах второго типа Шаушукумского могильника каунчинской культуры [28, с. 179; 29, табл. XXXIV]. К наиболее позднему пласту, несомненно, относятся погребения кенкольской культуры с украшениями, выполненными в полихромном стиле, поздними типами оружия, в том числе и наконечников стрел. Их даты скорее всего не ранее IV—V вв. и позднее.

Между этими крайними точками и располагаются все остальные могильники, абсолютные даты которых лежат в пределах I—IV вв. Из них следующими за ранним пластом идут, видимо, хорезмийские, такие, как Туз-Гыр и Тумек-Кичиджик, с подбоями и катакомбами первого типа (здесь есть кинжал с кольцевидным навершием, но еще нет щитково-рамчатых пряжек), парфянские, а затем остальные.

Таким образом, могильники раннего пласта (II в. до н. э. — I в. н. э.) известны сейчас в основном в Приамударьинском районе и, видимо, Семиречье; среднего (I—III вв. н. э.) — почти повсеместно, позднего (IV—V вв.) в основном в северо-восточных районах. Могильники, где есть и подбои, раскопанные в последние годы на Нижней Сырдарье (джатысарская культура), пока не опубликованы.

Но помимо хронологических различий имеются и территориальные, и по существу каждая из упоминавшихся культур локальна, хотя общие элементы между ними есть. Прежде всего это погребальные сооружения и некоторые черты погребального обряда (определенная часть туши барана, гробы и колоды, использование огня), позволяющие выделить западные, приамударьинские группы и северо-восточные, а также район скрещения культур — Средняя Сырдарья и отчасти Согд. Несколько обособленной является бактрийская группа, не имеющая катакомб.

Гораздо более подробную картину дает анализ погребального инвентаря, так как здесь между группами имеются только элементы сходства по разным его категориям. Наибольшее сходство в оружии, наименьшее — в украшениях и почти полностью отсутствует в керамике. И по инвентарю наибольшее число сходных элементов отдельно в западных группах и северо-восточных, хотя имеются и отклонения; например, распространение курильниц в Парфии, Хорезме, Согде, но также и в каунчинской и кенкольской культурах. Или алебастровые сосудики, известные только в Хорезме и Парфии. Разные типы зеркал для западных и северо-восточных групп при наличии и тех и других на Средней Сырдарье. Типы пряслиц, сходные в каунчинской и кенкольской культурах, но также и на Тянь-Шане и отчасти в Хорезме (и отсутствие их в Согде и Бактрии). Можно было бы еще приводить примеры, но и так очевидно, что сходные элементы не всегда строго повторяют имеющиеся ареалы западной и северо-восточной групп, что свидетельствует о сложности и многоплановости процесса их сложения. Но несмотря на эти отклонения, существование различий в обоих блоках, западном и северо-восточном, — реальность.

Особенностью западных групп является наличие черт сходства в их культуре с ранне- и среднесарматской, хотя имеются и отличия: неполное сходство в погребальных сооружениях и погребальном обряде (только индивидуальные насыпи, нет многотипности грунтовых могил, подбои и катакомбы в большом числе, отсутствуют погребальные кострища, ограниченное применение меловой подсыпки). В погребальном инвентаре нет предметов конской упряжи, малочисленны наконечники стрел, совершенно иная глиняная посуда.

В северо-восточных группах прослеживаются черты сходства в основном с позднесарматской культурой, но и здесь они неполные: значительно больше

катакомб, смешанная ориентировка погребенных, большее число погребенных в гробах и колодах, отличие в типах железных наконечников стрел, единичные случаи помещения деталей узды, совершенно иная глиняная посуда (сходство только в кружках со «звериными» ручками каунчинской культуры), своеобразие женских украшений. Кроме того, характерным для северо-восточных групп, особенно для Ферганы и кенкольской культуры, является значительное число предметов центральноазиатского происхождения: китайские зеркала, монеты, ткани, а также прибор для добывания огня, неизвестный сарматам, но распространенный в Сибири [56, с. 78]. И все же сходство с сарматской культурой очевидно для обоих блоков культур среднеазиатских скотоводов. Учитывая различные даты, вряд ли стоит объяснять это сходство только участием сармат в разгроме Греко-Бактрии. Причины этого сходства многообразны: традиционность проникновения на территорию Средней Азии скотоводческих племен еще с эпохи бронзы (срубной культуры в западные районы, андроновской — в северо-восточные и Согд), существовавшая и в сакское время (савроматы Южного Приуралья — саки Приаралья — Согд, с одной стороны, и Восточный Казахстан — Семиречье — северо-восток Средней Азии — с другой). Эта традиция была обусловлена, видимо, сначала поисками новых пастбищ, затем путями кочевания, трассы которых нередко совпадают с известными поздними трассами кочевков населения Средней Азии, торговыми путями, проходившими по Средней Азии, особенно по Сырдарье, и далее на Урал. Районы Средней и Нижней Сырдарьи были наиболее открыты для всевозможных контактов.

Таким образом, разнообразие культур среднеазиатских скотоводов определялось различием природных условий (степи, предгорья, горы), диктовавшим пути кочевий, разницей положения в отношении древних государств, а следовательно, большей или меньшей экономической зависимостью, которая могла приводить и к нивелировке целого ряда черт материальной культуры, направлением постоянных связей как в результате кочевков, так и торговли и, наконец, постоянным притоком новых племен, появлявшихся в большом количестве в периоды политических кризисов. Но возможность их вторжения и прохождения через территорию исконных среднеазиатских скотоводов, тоже вовлекавшихся в это движение, во многом облегчалась традиционностью связей последних с племенами, обитавшими в различных частях степного пояса. Однако это уже тема специального исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л.: Эрмитаж, 1940.
2. Обельченко О. В. К изучению курганных погребений в Средней Азии // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1964. Вып. 4.
3. Обельченко О. В. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1965. Вып. 6.
4. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
5. Вайнберг Б. И., Горбунова Н. Г., Мошкова М. Г. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1990.
6. Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА, 1956. № 26.
7. Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник // Изв. АН КиргССР. 1961. Т. III. Вып. 3.
8. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984.
9. Акишев К. А., Кушаев Г. Д. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963.
10. Заднепровский Ю. А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1979.
11. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе: Наука, 1964.
12. Обельченко О. В. Культура древних кочевников долины Зеравшана: Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1982.

13. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977
14. *Мандельштам А. М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978.
15. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент: ФАН, 1978.
16. *Лоховиц В. А.* Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979.
17. *Лоховиц В. А., Хазанов А. М.* Подбойные и катакомбные погребения группы могильников Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979.
18. *Маруценко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад: Наука, 1959.
19. *Мандельштам А. М.* Мешрепитахтинский могильник // КСИА. 1971. Вып. 128.
20. *Обельченко О. В.* Кую-Мазарский могильник // ТИИА АН УзССР. Ташкент, 1956. Вып. VIII.
21. *Обельченко О. В.* Лявандакский могильник // ИМКУз. Ташкент; ФАН, 1961. Вып. 2.
22. *Иваницкий И. Д., Инноваткина О. Н.* Раскопки кургана Сирлибай-Тепе // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1988. Вып. 22.
23. *Мамылов Ю. П.* Раскопки кулдукудской курганной группы в Центральных Кызыл-Кумах // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1990. Вып. 23.
24. *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Ташкент: ФАН, 1989.
25. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136.
26. *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // ГТАЭЭ АН СССР и ИИ АН ТаджССР. Т. 7. Л.: Наука, 1975.
27. *Денисов Е. П.* Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 // АРТ. Душанбе: Дониш, 1978. Вып. XVIII.
28. *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // ТХАЭЭ. М.: Наука, 1971. Т. VII.
29. *Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968.
30. *Лунина С. Б.* Погребальный инвентарь Актамского могильника (Пскентский район) // Материалы по археологии Средней Азии. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1983.
31. *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
32. *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
33. *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
34. *Gorbunova N. G.* The culture of Ancient Ferghana VI century B. C. VI century A. D. // BAR Int. s. 281. L., 1986.
35. *Кожомбердыев И. К.* Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н. э.— VII в. н. э. долины Кетмень-Тюбе): Дис. кин в форме научного доклада. Л., 1986.
36. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26.
37. *Кибиров А. К.* Археологические работы на Тянь-Шане // ТКАЭЭ. М.: Наука, 1959. Т. II.
38. *Максимова А. Г.* Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
39. *Заднепровский Ю. А.* Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. д. н. э.— IV в. н. э.) // Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе: ИЛИМ, 1975.
40. *Горбунова Н. Г.* О типах ферганских погребальных памятников // АСГЭ. 1981. № 22.
41. *Юсупов Х.* Курганы Шасенем-Кыра // История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
42. *Кожомбердыев И. К.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Наука, 1963.
43. *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4.
44. *Оболдуева Т. Г.* Курганы на арыке Джун // СА. 1988. № 4.
45. *Кожомбердыев И. К., Худяков Ю. С.* Комплекс вооружений кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987
46. *Горбунова Н. Г., Брыкина Г. А.* Ферганские железные наконечники стрел первых веков нашей эры // Древности Евразии в скифско-сарматское время. М.: Наука, 1984.
47. *Горбунова Н. Г.* Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
48. Памятники культуры и искусства Киргизии // Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983.
49. *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. 1962. № 5.
50. *Медведская И. Н.* Раскопки Шаартузского отряда в 1977 г. // АРТ Вып. XVII. Душанбе: Дониш, 1983.
51. *Воронец М. Э.* Отчет археологической экспедиции музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревской в 1947 г. // ТМИУзССР Ташкент: Наука. 1951. Вып. 1.
52. *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1989.
53. *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад: Ылым, 1986.
54. *Мошкова М. Г.* Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78.

55. *Геннинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАН. Свердловск: УГУ, 1970. Вып. 10.
56. *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. // ТТКАЭЭ. 1962—1966 гг. Л.: Наука, 1970. Т. III.

Государственный Эрмитаж, Ленинград

N. G. GORBUNOVA

**ON THE «NICHE-GRAVE» AND «CATACOMB» BURIALS OF THE EARLY
NOMADES IN SOVIET CENTRAL ASIA**

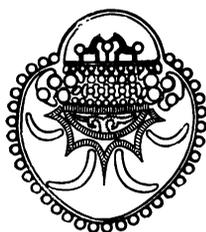
(The end of the 1st millennium B. C.— the first half of the 1st millennium A. D.)

S u m m a r y

The article is devoted to the discussional question of the emergence of niche-grave and catacomb burials. The ethnic origin of the dead in these burials is also obscure. The author analyses bibliography of the problem and also presents some new ideas. The similarities and differences of material culture corresponding either to niche-grave or to catacomb burials are characterized. Three types of catacombs and two types of niche-graves are outlined in Choresm, Sogdiana, Bactria, Ferghana valley, the Middle Syr-Daria and adjacent mountainous regions. The characteristic combinations of these types demonstrate, that there existed two main areas — western and eastern ones. The eastern part of the Soviet Central Asia is characterized by the 1st and the 3d types of the catacomb and both types of niche-graves. The western part is characterized by the 2nd type of catacombs and the 2nd type of niche-graves. The analysis of the grave furniture (pottery, weapons, ornaments, Chinese mirrors) supports this division. The author demonstrates some links with sarmatian culture for both groups of the nomades of the Soviet Central Asia. Early and middle sarmatian elements are traced in the western group, while late sarmatian are typical of the eastern one. Some Central Asiatic links are to be also underlined. The author points to the variety and mixed character of the cultural groups of nomades in Soviet Central Asia. These features are based on the different environment, their relations with neighbouring ancient states and constant contacts with the nomades of the Asian steppes.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1957

Б. З. ГАМБУРГ, Н. Г. ГОРБУНОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

В 1955 г. Ферганским областным музеем были продолжены раскопки Вуадильского и Карамкульского могильников в Южной Фергане (рис. 1) ¹.

В Вуадильском могильнике за два сезона были вскрыты 31 каменная выкладка и один курган с каменной насыпью, расположенный в западной группе выкладок и одновременный последним. Устройство могил во всех случаях оказалось идентичным. Оно ничем не отличается от устройства могил, вскрытых в 1954 г. Аналогичным исследованным ранее оказался и ящик из сланцевых плит под каменной насыпью кургана, сооруженный почти непосредственно на дневной поверхности (рис. 2, 3). Выявлены некоторые новые детали. Так, в ряде случаев удалось проследить остатки перекрытий ящиков из обломков плит и галек. Под тремя каменными выкладками, разделенными на южную и северную части линией вертикально поставленных галек и обведенными такой же оградкой, в каждой части было вскрыто по одному ящику (рис. 2, 1).

Большую часть могильного инвентаря составляет керамика, обнаруженная в 16 могилах.

Формы сосудов в основном стандартны. Это горшки с широким устьем, профилированным венчиком, округлым туловом. Края дна у большинства сосудов выступают в виде маленького поддона. Сосуды малые, высотой до 10,5 см и максимальным диаметром 11,5 см, и большие, высотой до 16 см, максимальный диаметр 16—18 см. Следует отметить один сосуд с узкой горловиной — диаметр 9 см (рис. 3, 17).

Сосуды черно-серого и темно-коричневого цвета. Черепок в изломе черно-серый, в коричневых сосудах двухцветный. Тесто слоистое, с небольшой примесью толченого кварца. Техника формовки сосудов неясна. В некоторых случаях венчик прилеплялся отдельно, верхний край его обычно уплощен (рис. 3, 1, 2, 4, 5, 9, 14, 15). Сосуды независимо от наличия или отсутствия орнамента ложились, но блеск сохранился плохо.

Среди 23 найденных сосудов шесть удалось восстановить полностью, 12 были орнаментированы (рис. 3, 1, 6—8, 10—12, 15—17, 20). Орнамент на сосудах довольно беден. Располагается он, как правило, на верхней части плечиков одним поясом (в виде исключения — двумя). Основные элементы орнамента: прочерченные ломаные параллельные линии, образующие зигзаги с тупыми углами (рис. 3, 1, 12, 20), овальные углубления, круглые ямочки (рис. 3, 6, 10, 11, 12, 15, 17), в одном случае отмечен редкий зубчатый прямоугольный штамп (рис. 3, 7). Все эти элементы орнамента встречаются отдельно и в простейших сочетаниях.

¹ Описание Вуадильского могильника и его погребальных сооружений см. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956.

В шести могилах были обнаружены изделия из бронзы: кованные из трехгранной в сечении толстой проволоки бусы, парные кольца с заостренными несомкнутыми концами, одно височное кольцо и один двулопаст-

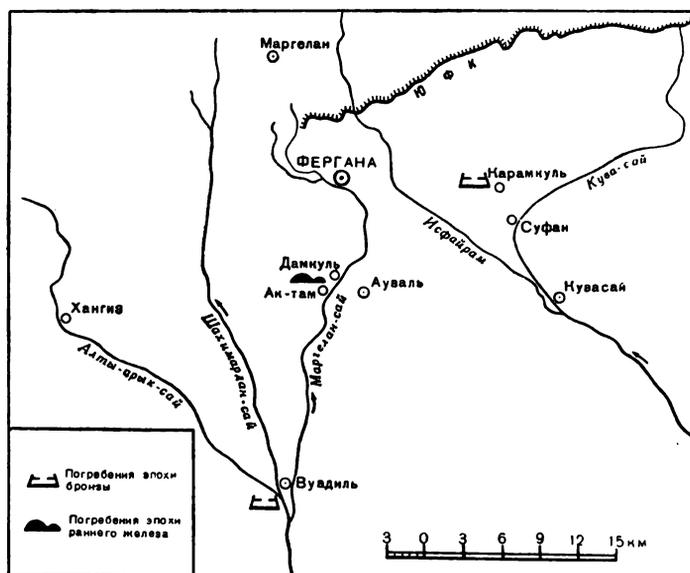

Рис. 1. Карта-схема расположения Вуадильского, Карамкульского и Ак-тамского могильников

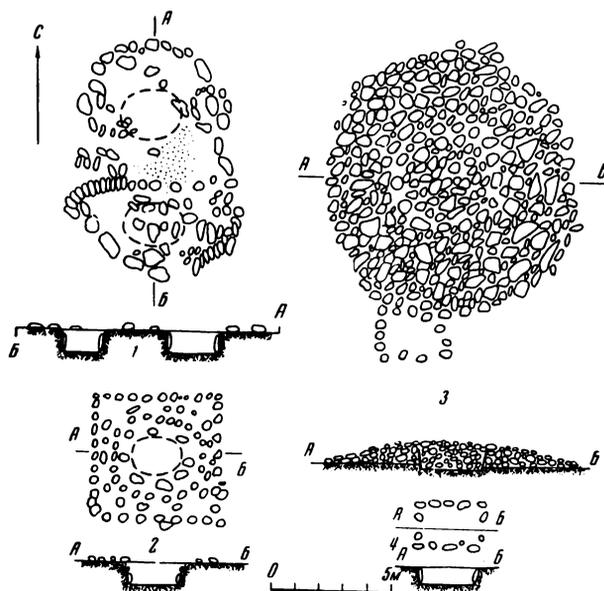

Рис. 2. Планы и разрезы погребений эпохи бронзы
 1 — погребение № 31 (Вуадиль); 2 — погребение № 5 (Карамкуль); 3 — курган № 41 (Вуадиль); 4 — погребение № 218 (Вуадиль)

ной листовидный наконечник стрелы с конической втулкой (рис. 4). Последний обнаружен в погребении № 218 (рис. 2, 4).

В трех могилах были найдены цилиндрические бусы из зеленоватой пасты и, возможно, из аргиллита.

Весь комплекс находок, при всей его бедности, достаточно выразителен, и в сочетании с анализом конструкции погребальных сооружений позволяет сравнительно точно датировать могильник.

Нами ранее уже отмечалось сходство конструкции погребальных сооружений Вуадильского могильника с погребениями эпохи бронзы Казахстана (выкладки с оградками и каменные ящики)¹.

Могильный инвентарь, в свою очередь, усиливает впечатление большой близости культуры населения, оставившего могильник, с культурой населения Казахстана в эпоху бронзы.

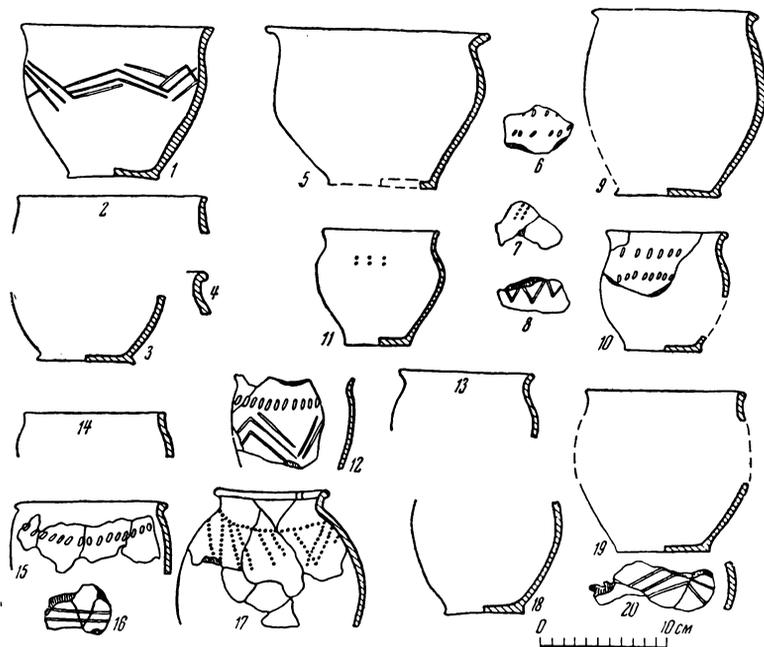

Рис. 3. Керамика из погребений Вуадильского могильника

1—4 — погребение № 34; 5 — погребение № 37; 6 — погребение № 153; 7 — погребение № 51; 8 — погребение № 33; 9—10 — погребение № 35; 11—13 — погребение № 27; 14 — погребение № 36; 15—16 — погребение № 55; 17 — погребение № 218; 18—20 — погребение № 28

В первую очередь следует отметить ближайшие аналогии керамике из Вуадильского могильника, имеющиеся на территории собственно Средней Азии; их мы находим в керамике тазабагыбской культуры Хорезма (Кокча-3)², в Ташкентском оазисе (находки на трассе канала им. Молотова, на «Никифорских землях»)³, в Семиречье (Каиндинские стоянки)⁴ и в Бухарской области⁵.

Привлекая аналогии из казахстанских памятников, следует прежде всего указать на керамику из Алексеевского могильника⁶, из кургана Дан-

¹ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ук. соч., стр. 90.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. Советское востоковедение, 1955, № 6, стр. 89 сл.

³ Сводку публикаций находок эпохи бронзы в Ташкентской области см. Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955.

⁴ Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. ХХХ.

⁵ Как нам любезно сообщил Я. Г. Гулямов, весьма близкое сходство в инвентаре и, в частности, в керамике имеется между Вуадильскими погребениями и погребениями могильника Заман-Баба II в Каракульском районе Бухарской области, раскопанного в 1955 г.

⁶ О. К. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948.

дыбай 11¹, могильника у с. Борового² и с поселения Малая Красноярка³.

Найденная в указанных пунктах керамика близка Вуадильской главным образом по форме и в известной мере по орнаментам.

Изделия из бронзы (украшения и наконечник стрелы) дополняют этот круг аналогий, добавляя, таким образом, два новых пункта на территории Средней Азии. Мы имеем в виду случайные находки в верховьях р. Чирчик, где были найдены бусы из бронзы⁴, столь похожие на вуадильские, что кажутся изготовленными одним мастером, а также клад бронзовых вещей из с. Бричмулла⁵ верховья р. Чирчик; четыре стрелы оттуда близко напоминают вуадильский листовидный втульчатый наконечник. Подобные наконечники стрел за последнее время были обнаружены на территории Казахстана и Западной Сибири в ряде поселений и в могильнике, относимых исследователями ко времени поздней бронзы⁶.

Приведенные сопоставления позволяют датировать Вуадильский могильник X—VIII вв. до н. э.

В могильнике близ Карамкуля, расположенном на первой и второй террасах равнинных адыров Южной Ферганы, в 40 км к северо-востоку от Вуадильского могильника, было вскрыто 16 погребений. Среди них можно отметить курганы с округлыми каменными насыпями, выкладки различных геометрических форм (рис. 2, 2) и каменные ящики. Погребения в каменных ящиках в большинстве случаев аналогичны вуадильским. Под одной невысокой каменной насыпью находилось скорченное захоронение, где костяк был заключен в овал из крупных галек, имитирующих ящик (рис. 5). Костяк лежал головой на запад, на левом боку, лицом на север. Это вторая находка скорченного погребения на территории Ферганы⁷.

Погребения могильника оказались почти полностью разграбленными, только в одном каменном ящике была найдена ребристая пастовая пронизка, единственную аналогию которой мы находим в погребениях Кокча-3 в Хорезме.

Между отдельными выкладками могильника были отмечены узкие длинные вымостки из камня — «дорожки». Вскрытие одной из таких «дорожек» показало, что они не являются погребальными сооружениями, хотя принцип их устройства по внешнему виду на поверхности напоминает ящик. Они образованы двумя параллельными рядами вертикально врытых в землю плоских галек; сразу под слоем дерна обнаруживалась сплошная каменная вымостка из лежащих плашмя плоских окатанных камней на щебнистом грунте. Пока не удалось проследить, ведут ли эти «дорожки» непосредственно к месту погребения.

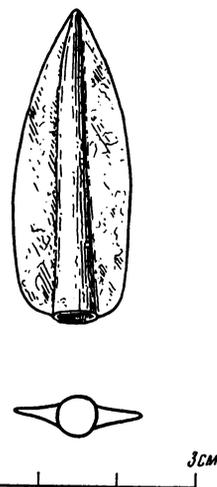

Рис. 4. Бронзовый наконечник стрелы (Вуадиль, погребение № 218)

¹ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 143, рис. 11.

² Выражаем благодарность М. Оразбаеву, ознакомившему нас с материалами своих раскопок.

³ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. Изв. АН Казахской ССР, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1949.

⁴ Фонды Музея истории народов Узбекистана.

⁵ Хранится в отделе археологии Института истории и археологии АН Уз. ССР.

⁶ Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 40.

⁷ Первое скорченное погребение было открыто в культурном слое Чустского поселения В. И. Спришевским в 1955 г.

Суммируя данные по Карамкульскому могильнику, следует отметить, что с погребениями Вуадилья его сближают наличие и конструкция каменных ящиков, их ориентировка. Вопрос о датировке можно ставить только на основании этого сходства, так как в могильнике вскрыты почти все имеющиеся там сооружения и вряд ли можно рассчитывать на новые, более точные данные. Нам кажется, что не будет большой ошибкой отнести

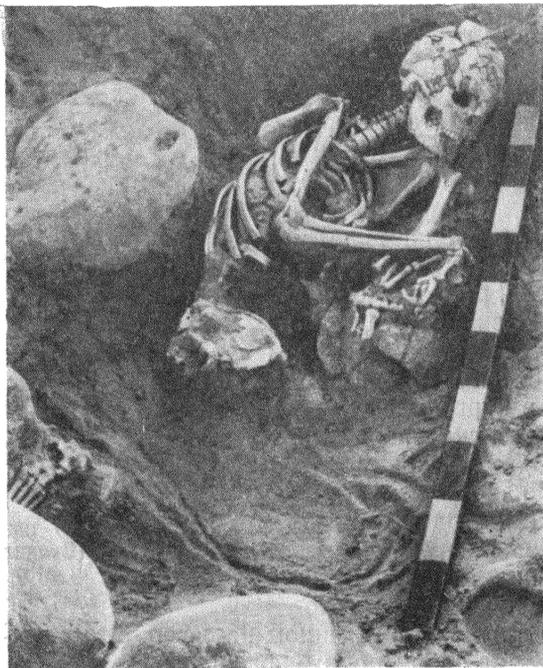

Рис. 5. Скорченное погребение в кургане № 2 (Карамкуль)

Карамкульский могильник ко времени возникновения Вуадильского могильника.

На территории Ферганской долины наряду с поселениями периода эпохи бронзы, для которых характерна расписная керамика (Чустское и Дальверзинское поселения), мы изучили теперь и могильники этого же периода, имеющие прямые аналогии в памятниках культур степной бронзы. В последнее время работами А. П. Окладникова и Б. А. Литвинского¹ в северо-западной Фергане были открыты такырные стоянки эпохи бронзы. Вещевой материал с этих стоянок, в частности керамику, исследователи связывают с культурами, близкими к андроновской.

В настоящее время несомненно сосуществование в Фергане в эпоху бронзы двух культур: земле-

дельцев с крашеной керамикой, известной по памятникам эпохи бронзы Южной Туркмении, и культуры, которую можно сопоставить только с памятниками степной бронзы.

Отмеченное сходство материалов Вуадильского и Карамкульского могильников с аналогичными материалами эпохи бронзы Ташкентского оазиса и Хорезма, а также открытие такырных Кайраккумских стоянок, позволяет говорить о существовавших в этот период тесных взаимосвязях населения Ферганы прежде всего с населением западных и северо-западных, смежных с Ферганой территорий, а может быть, и о единой культуре. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют конкретизировать вопрос о форме и степени этих связей, однако антропологический материал из Вуадильского могильника, по определению В. В. Гинзбурга, не носит черт, характерных для андроновцев. Единственный череп из погребения на Чустском поселении, по определению В. И. Зезенковой, долихоцефальный и может быть сопоставлен с черепами из Вуадилья. Последние же имеют прямые аналогии в антропологических материалах Тупхоны, Бухары, Южной Туркмении. Эти факты не позволяют пока даже предполагать расселение, миграцию населения степей Казахстана в эпоху бронзы на юг.

¹ А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 года. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1954 году». Сталинабад, 1956.

Отдельные элементы, характерные для андроновской культуры, были встречены на юге Средней Азии. Так, еще Р. Шмидт отмечал в анауской керамике выделяющиеся среди всего комплекса фрагменты, которые мы можем сопоставить теперь с тазабагыябской керамикой¹. Аналогичные материалы были собраны в окрестностях Ашхабада². Однако эти фрагментарные находки могут свидетельствовать лишь о культурных связях юга и севера Средней Азии, или, в крайнем случае, о проникновении отдельных групп населения с севера.

Памятники эпохи бронзы Хорезма, два разновременные могильника Заман-баба I и II в Каракульском районе Бухарской области, сделанные в последние годы находки отдельных бронзовых предметов и характерной керамики в Ташкентском оазисе (могильник у станции Вревской) и, наконец, могильники и такырные стоянки в Ферганской долине наряду с поселениями земледельцев с крашеной керамикой позволяют, как нам кажется, северную границу для культуры крашеной керамики и южную для культур степной бронзы четко провести по территории Хорезма в южных районах распространения тазабагыябской культуры, далее на восток, через Бухарский и Ташкентский оазисы в Ферганскую долину до Тянь-Шаня. Понятно, что районы, где проходила эта условная граница, имеют памятники обеих культур, что особенно ярко прослеживается в Фергане, которая становится одной из тех областей, где имеется возможность проследить скрещение в эпоху бронзы элементов двух культур.

В порядке рабочей гипотезы можно сделать два предположения: во-первых, о единой специфичной культуре степной бронзы, занимающей северную часть Средней Азии, имеющей в отдельных районах своеобразные локальные варианты и близкой с культурами эпохи бронзы Поволжья и Казахстана; во-вторых, о том, что территория, занимаемая этой культурой, является в то же время границей двух огромных этнических массивов — европеоидного населения юга Средней Азии, носящего черты средиземноморцев, и европеоидов-андроновцев.

¹ R. Pumpelly. Exploration in Turkestan, т. I. Washington, 1908, табл. 15, 7—9.

² А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 186.